

Елена Касьян

«И уже многоточья легли в пробел...»

Едет Василиса Прекрасная

Едет Василиса Прекрасная на бал в своей коробчонке,
и вспоминает бабушку и песцовый ее воротник.
Как везла ее бабушка в саночках
по карамельному снегу,
как были они обе бессмертны, как воздух вокруг звенел.

И думает Василиса-младшая, куда же все это делось:
и бабушка вместе с санками, и снег, и пушной воротник?
А в правом рукаве спят лебеди,
а в левом – застыло озеро.
И косы теперь тяжелые, хоть поступь еще легка.

– Если б тогда я знала, – думает Василиса Прекрасная, –
что из этого детского счастья, из всех этих искр в груди
получится такая усталость,
такая бездарная глупость,
одна лягушачья шкурка да Иван-дурак впереди...

* * *

И горела звездочка в рукаве, и летел кулик высоко.
– Погоди-постой, – говорила, – молчи, не к тебе пришла.
Поливала мертвой, живой водой, парным молоком,
А потом схватила
и по ту сторону унесла.

Если правда, что там ничего, ничегошеньки нет,
Если чуть разомкнул объятия – и остановлен счет,
Припади к земле животом и цепляйся за этот свет.
Может, смерть тебя переступит
и не возьмет.

Только видишь, какие прорехи теперь в небесах,
будто нам отправляться не порознь, а всей толпой...
И потом тебя будят затемно, словно в детский сад.
– Ну, пошли, – говорят.
И звездочки ни одной.

* * *

Думаешь, кто притих, тот теперь почти незаметен,
Думаешь, на тебе не видно уже отметин?
Если искать того, кто будет за все в ответе,
Может вполне оказаться, что это ты.

Сердце собьется с ритма еще за утренним чаем,
Не суетись – вот тебя уже подключают.
Каждый, кто думал, что он-то не обучаем,
Первым продавит снег и сомкнет ряды.

Не суетись – просто молча делай свою работу.
Ты же не просто так, ты же для чего-то.
Если свой страх лечить неизменно рвотным,
Можно легко получить головную боль.

Страхи не лечат, а держат их в черном теле.
Кто каменел хоть однажды в своей постели,
Знает, что смерть ни с кем никого не делит,
Кто приглянулся, того заберет с собой.

Можно искать спасенье в ночных молитвах
Или пытаться удачу в бесчисленных битвах.

Просто представь, что тебя не отметят в титрах, –
Будешь ли ты согласен на то, что есть?

Главное быть живым посреди живого.
Те, кто искал свое, не возьмут чужого.
В сердце, в горсти, во рту – донеси им Слово,
Если тебе доверят благою весть.

* * *

Ладно тебе, ладно уже, – говорит, –
Хочешь воды, значит, буду тебе вода,
Переведи только с идиша на иврит,
Из ниоткуда вымани в никуда,
Перенеси из лодочки на причал,
Не расплещи, не отпей ничего, гляди.

Не обманул, все теперь, как пообещал:
Снизу вода и сверху, и сзади, и впереди...

* * *

Этот город похож на большой вокзал,
Поезда, как птицы, кричат в ночи.
Но когда я вижу твои глаза,
Все молчит.

И уже многоточья легли в пробел,
Неизвестно, откуда взойдут слова.
Но когда я думаю о тебе,
Я жива.

А составы заходят на новый круг
И стучат на стыках: ничья, ничья...
Но когда меня окликаешь вслух,
Я твоя.

Ничего не останется навсегда,
Никому не достанется этот рай.
Но когда сорвется моя звезда,
Загадай...

* * *

Там нет ничего, обернешься – и ты пропал.
Там темень такая, что снега не различить.
И детские вещи оттуда несут в подвал,
когда уже больше некому передарить.
Уже отобрали бумагу и карандаш,
и пустошь уже такая, что не смотри,
и если кто шевельнется, так то не наш,
а наши давно уснули у нас внутри.
И зайца забрали уже, и велосипед,
и бабу, и деду, и всех четырех собак,
и свет погасили, и даже тебя там нет.
А ты все стоишь и пялишься в этот мрак.
Там нет ничего, и не выкормить даже моль.
Кого-то прибрало время, кого-то сны...
– Вон тот, у стены, на корточках – это мой.
– Тебе показалась, там нет никакой стены.

Львов

